

П. А. Кулишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

О Т Ъ

П О Л Ъ Ш И

(1340—1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1889.

Изъ „Чтевій въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Глава XXI.

Совѣщанія пановъ о спасеніи отечества.—Выборъ боевой позиціи подъ Збаражемъ.—Козаки и Татары осаждаютъ панское войско.—Переговоры представителя козаковъ съ представителемъ шляхты.—Козацкое искусство маскировать военныя дѣйствія.—Король идетъ къ осажденнымъ на выручку.

Король совѣтовался съ панами рады въ обстоятельствахъ, какъ выражались его совѣтники, „чреватыхъ опасностію (in praegnantī Reipublicae periculo)“. Со стороны Москвы не представлялось никакой опасности, но было страшно Венгріи и Шведовъ, да еще пугала пановъ мѣстная, то-есть католическая чернь, какъ бы она не поддалась внушеніямъ своевольниковъ и не взбунтовалась подобно черви схизматической. (*Żeby plebs tutejsza, chwyciwszy się jakich licentiosos, nie udała się także do rebeliej*). Находили полезнымъ отправить посольство къ „турецкому императору“ и къ хану; но гдѣ взять денегъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было рѣшеніе эксплуататоровъ государства: отложить посольство до сейма, который назначенъ на 22 ноября.

Между тѣмъ было извѣстно и тутъ же заявлено отъ имени короля, что люди, назначенные прежде въ эти посольства, не двинулись изъ дому, однакожъ деньги на поѣздку получили (*a pieniądze Rzpltej pobrali*).

Расхватывая изъ рукъ у короля государственныя имущества, а у своего Шляхетскаго Народа собираемыя съ него деньги, равно какъ и доходы съ городовъ, паны сами устраивали Польшѣ руину, которая постигла бы ее и безъ козакотатарскаго нашествія.

Теперь представлялось два способа спасти отечество: или посредствомъ *прошевого*, иначе *платного* жолнера, или посредствомъ поголовнаго вооруженія шляхты, иначе посполитаго рушенія. Первый способъ находилъ болѣе дѣйствительнымъ даже оракулъ панскаго кункетаторства, Кисѣль; но паны, по его словамъ, не хотѣли прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, были скупы на пожертвованія; и по-

тому оставался только второй, опасный, по его мнѣнію, способъ. Третьяго не было (*non datur tertium*), по словамъ Киселя. „Бывали далеко маловажнѣйшіе случаи“ (писалъ онъ къ Оссолинскому 23 (13) іюля), „когда духовные и свѣтскіе паны въ нѣсколько недѣль собирали своими пожертвованіями войско. Теперь, когда погибла половина Рѣчи Посполитой, когда дѣло идетъ объ ея остаткѣ и вмѣстѣ съ нимъ о королевской коронѣ, они едва были въ состояніи поставить передъ неприятелемъ 9 или 10 тысячъ. Но мы были бы несправедливы къ Господу Богу, когда бы назвали себя такими убогими, чтобы насъ не хватило на жолнера. За исключеніемъ тѣхъ, которые ничего уже не имѣютъ въ отчизнѣ, у насъ, по милости Божіей, многіе обладаютъ средствами (*plurimi pollent facultatibus*) къ спасенію отечества“.

Одинъ изъ членовъ королевской рады совѣтовалъ назначить одного гетмана: ибо не слыхалъ онъ, чтобы гдѣ-либо на свѣтѣ было три гетмана. По крайней мѣрѣ (говорилъ онъ) деньги на непредвидимыя издержки (*propter secretum bellici consilii*) надобно вручить одному, а не двоимъ, или троимъ. Но паны не доверяли взаимно своей честности, и полагали, что между шестью глазъ не такъ будетъ, что называется, шито и крыто.

Такъ какъ въ государственномъ совѣтѣ засѣдало шесть бискуповъ, которые первенствовали передъ сенаторами свѣтскими, то король въ рѣшеніи вопроса о походѣ общалъ просить вдохновенія (*prosić o natchnienie*) у Господа Бога; или какъ это объявилъ онъ потомъ—выступить въ день своего патрона, Св. Яна.

Въ такихъ совѣщаніяхъ уплыла цѣлая недѣля, а между тѣмъ полученныя изъ Украины и отъ Киселя изъ Гоши письма возвѣщали близкую грозу.

Не смотря на унижительный пріемъ королевскихъ комиссаровъ со стороны Хмеля, Янъ Казимиръ отправилъ къ нему секретаря перемышлянской комиссіи, Смяровскаго.

Иначе относился къ бунтовщику Шляхетскій Народъ, каковъ бы ни былъ онъ, — не такъ какъ „возвышенный духомъ и благородный умомъ“ избранникъ правящихъ пановъ. Его взглядъ на Хмельницкаго сохранился въ популярномъ тогда и сохраннымъ для потомства стихотвореніи, въ которомъ говорится, что легче было бы терпѣть „вѣчный и невознаградимый срамъ отъ иноземнаго непріятеля, чѣмъ отъ такого презрѣннаго сора, какъ Хмѣль, и это да близость Польши къ порабощенію хлопами всего больше для націи“.

Śnaćby znośniejsza od nieprzyjaciela
Ponić szwank taki; ale, że od Chmiela
Śmieci wzgardzonej,—to najwięcej boli,
Te, że i chłopskiej blizyśmy niewoli.

Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы подъ хорошимъ предзнаменованіемъ, — въ день Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи (*in ipso die Annuntiationis B. V. Mariae*), но, по причинѣ опасностей и дурной удачи, достигъ Чигирина едва въ три недѣли. Хмельницкій былъ далеко надменнѣе (*daleko większej nadętości*), нежели во время Переяславской комиссіи. Принялъ онъ королевскаго посла самымъ недостойнымъ образомъ (*indignissime go excepit*), — какъ послѣдняго мущина (*vilissimum de plebe hominem*). Когда подали Хмелю королевскій листъ, онъ швырнулъ его писарю черезъ столъ, такъ что листъ упалъ на землю (*aż na ziemię upadł*). Въ то же самое время принялъ онъ (писалъ Смяровскій) московскаго и венгерскаго пословъ торжественно (*prompatice*), съ кавалькадой, съ военной музыкой, и прислалъ слухъ (распущенный самимъ Хмельницкимъ), что Москва дала ему 20.000 своего войска. У Смяровскаго были отобраны всѣ кони, челядь его была изрублена. Но при этомъ Смяровскій — что весьма характерно — нашелъ себѣ двухъ покровителей между козаками, и еще такихъ, которые сообщали ему копии писемъ своего гетмана и султанъ-галъ, къ Періашъ-агъ, Карашъ-мурзъ, и помогали доставлять его депеши въ Варшаву. Скоро, однакожъ, Варшава узнала, что погибъ жертвою своей ловкости. Козацкій Батько не нашелъ другихъ средствъ обезпечить свои секреты въ предательской средѣ своей, и истребить соблазнитель.

Памятникомъ существованія Смяровскаго осталось поздно высказанное имъ убѣжденіе, — что тотъ былъ бы глупъ, кто бы осмѣлился идти въ это некло (*kto by się w to piekło odważył*): „ибо колеса уже разбѣжались, что каждый долженъ здѣсь погибнуть“. И его собственноручный пріѣздъ удивлялъ Хмельницкаго, потому что чернь была крайне раздражена потерей Бара и битвой подъ Межибожемъ, а самъ Хмельницкій (доносилъ Смяровскій) „только и дышетъ, что яростью да мстью“ (*sam intus nisi furerem et vindictam spirat*)“.

По словамъ Смяровскаго, Хмельницкій ежедневно и ежечасно мѣнялъ свои мысли (*in dies et horas singulas mutatur*). Если когда подавалъ нѣкоторую надежду на миръ, то черезъ часъ дѣлалъ такъ непохожъ на самого себя, какъ непохожа ночь на день (*w dzienne odmieni się jako noc ode dnia*).

Последнее известіе пана Смаровскаго было таково: что, по словамъ Хмельницкаго, миръ невозможенъ, а должна стѣна удариться объ стѣну, и одна—обвалиться, а другая—остаться (aż się ściana z ścianą uderzy, a jedna się obali, druga zostanie)“. Онъ звалъ къ себѣ Татаръ не только на добычу, но и на то, чтобъ „до конца выгнать поколѣніе и имя ляхское“.

Пугали Польшу и вѣсти, полученные изъ Подольскаго Кампаніи. Оттуда Каменецкій каштелянъ, Станиславъ Лянцкоронскій, писалъ Оссолинскому, что Хмельницкій прислалъ Туркамъ черезъ Татаръ вѣчное подданство, съ тѣмъ, что онъ побусурманится со всѣми козаками, лишь бы только помогли ему истребить польское имя. Татары и Греки представляли Туркамъ, что Хмельницкій завоевалъ уже Польшу по Бѣлую Воду; за Бѣлой Водой осталось Польши только немного: онъ хочетъ завоевать въ этомъ году и остатокъ.

Подъ вліяніемъ страха, бискупы-сенаторы говорили въ государственномъ совѣтѣ: „Напрасно думаютъ, что король его милостью завоевать съ холопами: это не хлопцы, а воины, страшные самому царю оттоманскому“.—„Не за подданство уже теперь воевать намъ (прибавляли другіе), „а за Божию кривду, за святой сакраментъ, за костелы“, и, забывая, что сами съ папою да съ іезуитами валялись въ жару, норовили загребать его чужими руками. „Добрый кавалеръ“ (говорили бискупы) „не спрашиваетъ, сколько непріятеля и какой непріятель, а спрашиваетъ: гдѣ онъ? (qualis sit et quis sit, sed ubi est)“.

Тутъ же патріоты, желавшіе, чтобы жолнеръ воевалъ за веру въ долгъ, рассказывали, какое множество невольниковъ навезли Татары въ Царьградъ сушей и моремъ: за одинъ де лукъ или за одинъ токъ стрѣлы дають плѣнника; а плѣнниками были не только богоугодные наивистые схизматики, не только богоугодные католики, но и тѣмъ, чьихъ молитвы властны освободить грѣшники изъ чистилища: и въ Царьградѣ и на невольничьихъ рынкахъ капкановъ, которые забирали своимъ зрителямъ состраданіе больше всего тѣмъ, что „приносили ко всевозможнымъ удобствамъ жизни“.

Много было новостей, занимавшихъ членовъ королевской рады, но всѣ до одной были печальнаго свойства. Напримѣръ: изъ Турецкаго такъ идутъ къ Хмельницкому; что подъ Добруджей и Болгарами въ одномъ селѣ не осталось ни одного хозяина: все пошло въ бѣгъ противъ Ляховъ, и жители обоихъ береговъ Дуная двинулись головною въ козацкія купы; а одинъ шпіонъ доносилъ изъ Украйны, что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ ворожки,

что не будетъ уже „счастить козацкая доля“. Себя онъ считалъ *fortunatissimum*.

Когда наступила Зеленая Недѣля, послѣдній срокъ заключеннаго Переяславѣ перемирія съ козаками, король повелѣлъ своему триумвирату соединить войско и приблизиться къ непріятельскимъ заставкамъ, не ожидая соединенія Хмеля съ ханомъ. Тремя полководцами у него, какъ уже сказано выше, были: Андрей изъ Дубровицы, Фирлей, старый воинъ и опытный вождь, но постоянно хворавшій и больной, Станиславъ Лянцкоронскій, отважный боець, какъ и его отецъ, предводительствовавшій неомужиченными еще козаками, но плохой полководецъ, и графъ Николай Остророгъ, охарактеризовавшійся готовностью: отдаться на милость пиявечкимъ героямъ, козакамъ и Татарамъ. Достоинъ, однакожъ, замѣчанія, что генераль, воювавшій послѣ пиявечкой паники все потеряннымъ, начальствовавшій подъ Пиявцами авангардомъ дѣйствующей арміи. Еще замѣчаніе, что при составленіи повтореннаго триумвирата, не могли ни кто замѣнить его; а всего замѣчательнѣе, что въ новой кампаніи Остророгъ велъ себя, если не прямымъ героемъ, то и не слабодушнымъ воиномъ.

Фирлей съ своей стороны показалъ, что въ его немощномъ тѣлѣ работалъ духъ бодрый. Онъ, вмѣстѣ съ Лянцкоронскимъ, выбралъ позицию для генеральнаго лагеря весьма удачно и защищалъ ее съ великимъ искусствомъ. Король и коронный канцлеръ указывали имъ на князя Вишневецкаго; но Остророгъ, въ письмѣ изъ-подъ Збаража, отъ 3 іюля, оправдывалъ сдѣланный его товарищами выборъ разумными соображеніями, и этимъ доказалъ, что князь Вишневецкій не напрасно поднялъ его во Львовѣ изъ упадка.

Занявъ боевую позицію, триумвиры нашли необходимымъ опираться на мужество, популярность и боевыя средства Вишневецкаго, котораго, къ удовольствію мудраго на всякое зло Хмеля, Янтъ Каторъ взялъ изъ рукъ булаву, вѣренную ему тѣми людьми, которые считались мужественнѣе гетмановъ, назначенныхъ сеймомъ. Естественно, что Вишневецкій, за этотъ глупый и наглый поступокъ, воспылалъ презрительнымъ негодованіемъ и къ самому королю, и къ его советникамъ. Сперва онъ рѣшился было не вмѣшиваться въ толпу людей, которыхъ, очевидно, судьба обрекла на гибель, такъ какъ они потеряли общій человѣческій смыслъ. Потомъ ему стало жалъ о своей семьѣ, своихъ вѣрныхъ слугъ-соратниковъ, и, можетъ быть, своей неразлучной со славой падающаго уже отечества. Онъ созвалъ свой щитъ, кого могъ, и держался въ полѣ особнякомъ, подобно

тѣмъ „безупречнымъ и знаменитымъ Геркулесамъ“, которые „стояли на границахъ, какъ мужественные львы, и жаждали только кровавыхъ бесѣды съ невѣрными“. Къ нему присоединился племянникъ его, носившій имя славнаго Дмитрія Вишневецкаго Байдѣ, и бывшій соперникъ его въ колонизаціонной борьбѣ за Хороль и Гадячъ, Александръ Конецпольскій. Ему вѣрилъ свое ополченіе и князь Доминикъ Заславскій, а братъ его Гризельда, молодой Янъ Замоискій, находясь подъ его опекой, былъ естественнымъ его союзникомъ. „Начинается страшная буря, наступаютъ времена роковыя“ (писалъ князь Іеремія въ универсалѣ къ шляхтѣ). „Уже король выдалъ, какъ говорятъ, вторыя *вици* (оповѣщанія) на посполитое рушеніе; о третьихъ еще не слышно, но отечество въ крайнемъ положеніи: надобно съѣздить“....

Какъ и въ прошлую кампанію, Вишневецкій намѣревался стоять особнякомъ; но Лянцкоронскій ѣздилъ въ его лагерь и упросилъ присоединиться къ генеральному лагерю. Лянцкоронскому Рѣчь Посполитая была обязана защитой Камянца Подольскаго: этотъ подвигъ высоко цѣнили нашъ Байдичъ, равно какъ и то, что онъ побилъ хмельничанъ подъ Межибожемъ.

По реляціи Остророга, все простонародье между Богомъ, Горынью и Случью обратилось въ мятежниковъ, лишь только воронное войско ушло отсюда. Повторилось то, что было въ Украинѣ послѣ Корсунщины: добыча панскаго плуга сдѣлалась добычею козацкаго меча, какъ это изображено въ современномъ стихотвореніи:

Zeszły z pól wszystkie po Nadbożu pługi;
Nie obejrzał się aż za Wiłsą drugi *).

А между тѣмъ жолнеры требовали своего жолду, и не только иностранцы, но и Поляки не хотѣли „воевать въ долгъ“. Отъ этого малочисленное войско триумфировъ съ каждымъ днемъ уменьшалось. И пахолки, и самое товарищество разѣзжались изъ-подъ хоругви, такъ что отъ нѣкоторыхъ оставалось только по половинѣ и еще меньше. Когда посылали ихъ на подѣздъ, хоругви соглашались идти только самъ-пять. По вѣсти Остророга, противъ этого зла было только одно лѣкарство (*remedium*)—возможно скорая присылка денегъ. Замечательное тѣмъ-то наступленіе Хмельницкаго приписывалъ онъ божествен-

*) Исчезли съ полей всѣ плуги по Надбожію: иной оглянулся назадъ только изъ-за Вислы.

ному Промыслу: „Опять и опять (*iterum et iterum*) просимъ прислать намъ деньги“ (писалъ Остророгъ въ Оссолинскому): „а то войска этого немного останется. Не ласками и не строгостями возможно удержать его на службѣ, а только деньгами. Въ лошадяхъ у насъ большой недостатокъ отъ безпрестанныхъ чатъ, а купить не за что. Шпіона весьма трудно найти: между этой Русью все предатели. А добудешь козла, — хоть сожги его, правды не скажешь, такъ что намъ надобно ждать отовсюду непредвидѣнной бѣды, не безъ великой опасности столь уменьшившагося войска (*insperatum malum undique, non sine grandi periculo tam diminuti exercitus*)“.

Эти слова тѣмъ замѣчательнѣе, что оказались вѣрнымъ предсказаніемъ подъ перомъ человека, еще недавно совсѣмъ было потерявшагося. „Единственное противъ этого средство“ (повторялъ онъ *iterum et iterum*)—поддержать здѣсь насъ деньгами.

При такомъ хозяйничаньи польскихъ скарбовыхъ людей и вообще правительственныхъ представителей Польши, не только такіе мученики ихъ несостоятельности, какъ великіе полководцы Жовковскій и Конецпольскій, являются истинными героями долга и чести, но даже и рядовые жолнеры. Это были честные воины, зависѣвшіе отъ жидовскаго кагала пановъ-доматоровъ. И вотъ почему князь Вишневецкій, вдругъ „потерявшій все, что имѣлъ“, какъ о немъ говорили во Львовѣ, своимъ отважнымъ стояньемъ противъ опаснѣйшаго изъ враговъ отечества—предателя, бунтовщика и поджигателя Хмеля—всецѣлялъ безграничную къ себѣ преданность въ благородныя сердца, которыхъ, увы! всегда и вездѣ бывало мало.

Пока не прибылъ онъ въ Збаражу, въ генеральномъ лагерѣ происходила сумятица, подобная сеймовой польской, или нашей вѣчевой древнерусской: гетманы не ладили между собой; жолнеры не повиновались гетманамъ; войска, способнаго къ бою, осталось всего 6,000. Но когда въ этому войску прибавилось 3,000 панскихъ дружинъ подъ командою любимца полководца, все вдругъ переѣвилось. Забывая о сеймѣ и королѣ, восторженные жолнеры, по вдохновенію минуты, провозгласили князя Вишневецкаго главнокомандующимъ. Увлечлись порывомъ благороднаго чувства и региментари: отвергнутому королемъ гетману была предложена булава; а войско, еще недавно разбѣгавшееся изъ-за недоплатеннаго жолда, вызвалось служить ему двѣ четверти бесплатно. Но Вишневецкій булавъ не принялъ, и скромно сталъ въ ряду полковниковъ. Эта нѣмая демонстрація противъ короля со-едивила съ нимъ еще тѣснѣе всѣ сердца. Збаражское войско видѣло

отъ немѣ своего главнокомандующаго; его совѣты принимались, какъ повелѣнія; нарушить его планъ дѣйствія боялся каждый.

Теперь въ генеральномъ лагерѣ насчитывали 15.000 людей; но пѣхоты у пановъ было только 2.000. Всадники были готовы и на пѣшую службу подъ начальствомъ Вишневецкаго. Краснорѣчиво было простое слово его, когда онъ, объѣзжая полки, требовалъ безусловнаго повиновенія, точно импровизированный императоръ, и вспоминалъ о Пилявцахъ, гдѣ все дѣло было погублено отъ неурядицы. Его требованіе было голосомъ каждого разумнаго сердца: ему внимали, какъ посту боеваго стояня.

Непріятель приближался медленно, съ безчисленными толпами соблазненной и запуганной черни, съ безчисленными толпами крымскихъ, погайскихъ и другихъ наѣздниковъ. Нѣкоторые козацкіе полки состояли изъ 20.000 душъ. Татарами предводительствовалъ самъ ханъ, Исламъ-Гирей, который „правилъ своимъ конемъ хорошо“, у котораго „между нимъ и невѣрными была только сабля“, какъ заявлялъ онъ Туркамъ при своемъ воцареніи, и который готовъ былъ обманывать своихъ союзниковъ такъ точно, какъ и непріятелей.

Окрестные мужики не были соблазнены добычею и запуганы козакотатарскимъ терроромъ, а потому, въ числѣ 6.000, ушли къ мѣщанамъ въ Збаражъ, подъ защиту панскаго войска.

Положеніе пріотившихся подъ Збаражемъ пановъ было безнадежное того, въ какомъ находился Царь Наливай подъ Лубнами. Они сознавали вполне, что имъ грозитъ, по рѣшились, какъ бы въ искупленіе пилявецкаго бѣгства—или остановить козакотатарскія орды, или погибнуть, какъ это заявилъ старый Фирлей въ прощальномъ письмѣ къ королю. Онъ увѣрялъ, что непріятель пройдетъ во внутренность отечества только по головамъ защитниковъ Збаража. Отъ упадка духа, въ виду наступающихъ сотенъ тысячъ варваровъ, спасала пановъ только надежда, что король скоро придетъ къ нимъ на выручку съ поспылитымъ рушеніемъ, котораго двоюмѣ они уже читали. Но эта надежда сдѣлалась весьма сомнительною послѣ того, когда ихъ многократныя предостереженія и просьбы о помощи не вызвали у короля и вороннаго канцлера никакихъ обещаній. Лянцкоронскій писалъ къ полковнику королевской гвардіи, Минору, что можно было бы назвать сумасшедшимъ того, кто бы отважился приблизиться къ Збаражу съ помощью въ нѣсколько сотенъ и даже въ нѣсколько тысячъ воиновъ.

Хмельницкому были извѣстны не только боевыя средства защитниковъ Збаража, но и все, что дѣлаютъ столичные патріоты. Его во-

закѣ давали себя стечъ, сохраняя войсковую тайну, но тайны своихъ противниковъ узнавали онъ не только отъ захваченныхъ въ плѣнъ жойнеровъ, но также отъ болтливой шляхты, но и отъ варшавскихъ пановъ, такихъ же предателей по природѣ и воспитанію, каковы были онъ самъ. Имѣя всюду подкупленныхъ панскими же деньгами доброжелателей, онъ могъ осведомиться даже и о томъ, что дѣлалъ полковникъ панскаго войска, вписаннаго въ *политикъ*, находилась неизвѣстно гдѣ; что волонтеры бродили по всему государству и опустошали беззащитныя имѣнія своихъ согражданъ, а правители государства, вмѣсто того, чтобы поддержать армію континентами, дѣлали только, на кого бы взвалить вину, какъ это и оставилъ Кисель на видъ своимъ соотечественникамъ, въ письмѣ къ Оссолинскому, отъ 23 (13) іюля. Хмельницкій пользовался панскимъ разномысліемъ и раздѣльностью панскихъ интересовъ съ самаго начала своего бунта. Судьба, казалось, готовила ему и на сей разъ Корсунь да Пилявцы. Но словамъ Фирлея въ послѣднемъ, возможномъ еще донесеніи королю, онъ думалъ, что паны бѣжали или готовы бѣжать изъ подъ Збаража, а потому ускорилъ свое медленное сперва наступленіе, и 6 іюля (27 іюня) былъ уже въ пяти миляхъ отъ нихъ. Въ генеральномъ лагерѣ ждали его черезъ два дня.

Вишневецкій болѣе нежели кто-либо изъ его сподвижниковъ понималъ, какъ трудно подать Збаражскому войску скорую помощь. Онъ лучше нежели кто-либо зналъ, что имѣеть дѣло съ противникомъ, столь же безпощаднымъ въ холодной хитрости, какъ и въ разъяренномъ бѣшенствѣ. Но бурный духъ нашего Байдица, вооружавшій руку его противъ сеймующаго панства, проявился теперь въ твердой рѣшимости бороться съ дикою силою всеми своими средствами. Рѣшимость его поддерживала крѣпкая позиція, занятая триумвирами подъ Збаражемъ.

Збаражъ былъ окруженъ въ то время водами, топями и лѣсами, которые болѣе или менѣе исчезли въ теченіе двухъ сотъ сорока лѣтъ. Эти, какъ говорили тогда, фортели прикрывали панскій лагерь отъ многочисленнаго непріятеля, а выгорѣя и байраки, окружавшіе родовое гнѣздо русскихъ нѣкогда князей Збаражскихъ, способствовали вылазкамъ и обезпечивали *панау* для лошадей.

Черный лѣсъ тянулся тогда до дороги изъ Жалонницъ. Между нѣю и дорогою, идущею изъ Вишневца, дубовые лѣса съ востока шли до самихъ Любляновъ, а съ юга всѣ окрестности Заруды, Валяховки, Стрыевки и Кротовичъ были перерѣзаны множествомъ озеръ и топей. Грязистая почва не благоприятствовала движеніямъ татаръ.

скихъ и козацкихъ наѣздниковъ, тогда какъ у панской конницы на селонахъ окоповъ было довольно мѣста для обороны.

Городъ Збаражъ, окруженный водою съ трехъ сторонъ, помѣщался какъ бы въ глубинѣ подковы. Съ востока и запада обороняли его два озера, соединенныя съ юга рѣчкою Гнѣзною. Отверстіе подковы, обращенное къ сѣверо-западу и глядѣвшее на Жалощицы, было укрѣплено рвомъ и тыномъ. Плеча подковы съ востока продолжали взгорья, а съ запада—черный лѣсъ, такъ что жалощицкою дорогою можно было приблизиться къ городу. На другомъ берегу Гнѣзны, съ востока, возвышался на взгорьѣ сильный замокъ Збаражскихъ, зданіе величественное, построенное въ 1587 году, а между нимъ и восточнымъ озеромъ лежало предмѣстье Пригородокъ.

Къ югу отъ города и замка волнистая почва представляла высоту, удобную для помѣщенія всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій. Начальникъ артиллеріи, Криштофъ Пршіемскій, получившій образованіе во французской арміи, расположилъ становище соответственно не сбывшимся ожиданіямъ. Тылъ панскаго лагеря прилегалъ къ городу и замку, и только одну часть его, выходящую сзади за восточное озеро, предполагалось обезопасить валомъ. Скарредная медлительность худшихъ представителей Польши заставила лучшихъ переиначивать свою диспозицію подъ напоромъ непріятеля.

Вечеромъ того же дня, когда Вишневецкій въѣхалъ въ генеральный лагерь, вернулся подѣздъ, состоявшій изъ 15 хоругвей, и донесъ, что подъ Човганскимъ Камнемъ, въ пяти миляхъ отъ Збаража, встрѣтилъ непріятеля и ведетъ его за собою. Языкъ изъ Гадяча, захваченный подѣздомъ, объявилъ о великой козако-татарской силѣ. И рядовые жолнеры, и полководцы лично бросились къ заступамъ да лопатамъ, какъ это было, полстолѣтія съ небольшимъ, назадъ, въ лагерь Яна Замойскаго на Цопорѣ, гдѣ малочисленное польское войско отсидѣлось въ окопахъ отъ многочисленныхъ азіатцевъ. Скоро старые окопы были восстановлены, и каждый отдѣлъ войска занялъ свою позицію. Войско было раздѣлено на пять частей, подъ начальствомъ пяти дивизіонныхъ полководцевъ: Фирдея, Лянцкоронскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго.

Юля 10 (1), въ субботу, появился козако-татарскій авангардъ. Ему надобно было осмотрѣть непріятельскую позицію и суетѣрно попытать счастья. Первый ударъ предвѣщаль козакамъ и Татарамъ удачу и неудачу войны.

Панское войско вышло за окопы и построилось въ боевой порядокъ. Въ это самое время къ Збаражу приближался небольшой во-

зовой таборъ Вишневецкаго, заключавшій въ себѣ 200 пѣхотинцевъ и 200 легко вооруженныхъ всадниковъ. Козаки и Татары окружили его, какъ на Желтыхъ Водахъ Стефана Потоцкаго. Но здѣсь не было измѣнниковъ драгунъ. На выручку подоспѣлъ Вишневецкій и первый поадровался съ варварами. Козако-татарскій авангардъ охватилъ его своими врыльями; но на него ударили гусары; онъ разлетѣлся въ мелкія купы гарцовниковъ,—и воевой таборъ вступилъ въ окопы при громѣ пушекъ. „Самъ Господь принесъ къ намъ этого челоуѣка“ (пишетъ авторъ осаднаго дневника о Вишневецкомъ): „онъ спасалъ насъ и совѣтомъ и мужествомъ“.

Татары, служившіе въ это время козацкую службу панамъ, сражались храбро противъ своихъ соплеменниковъ, помогавшихъ козакамъ, такъ что въ первомъ столкновеніи съ непріятелемъ подъ Збаражемъ легло ихъ на мѣстѣ болѣе сотни. Они выходили противъ ханскихъ гарцовниковъ, раздѣлившись на мелкія части, сперва втроемъ, потомъ вчетверомъ, потомъ вдвоемъ, а потомъ уже бросались цѣлою чатою.

Гарцовники, отступая, облегли весь лагерь издали, а между тѣмъ наступали новыя и новыя массы. Онѣ стучались на горизонтѣ цѣлый день и продолжали наступать до заходъ солнца. Теплая и тихая ночь глухо звучала въ ушахъ осажденныхъ сотнями тысячъ голосовъ.

Чтобъ ободрить войско, князь Вишневецкій задалъ ниръ офицерамъ въ замокъ. Тосты пили подъ звуки трубъ и литавръ. Пушки и мортеры гремѣли въ отвѣтъ на голоса, долетавшіе въ окопы съ поля. Вишневецкій вселялъ во всѣхъ бодрость и веселымъ видомъ, и своею рѣчью, которою наставлялъ младшихъ, какъ они должны дѣйствовать на умы прочихъ жолнеровъ... Увы! онъ указывалъ на самое безчестное и вредоносное для Польши дѣло Поляковъ, какъ на самое достохвальное и въ настоящемъ случаѣ вдохновительное: онъ пробуждалъ въ своихъ соратникахъ боевой энтузіазмъ двухлѣтнимъ сидѣніемъ польскихъ соотечественниковъ своихъ въ сердцѣ Россіи, Москвѣ, двухлѣтнимъ споромъ за нее съ Московскимъ Царствомъ. Воспитанникъ іезуитовъ не нашелъ въ польской исторіи лучшей страницы и теперь, стоя мужественно противъ дикихъ руинниковъ, которые вторгнулись въ нѣдра цивилизованнаго государства, восхвалялъ такихъ же руинниковъ, терзавшихъ сосѣднее государство по указанію панскихъ мевретовъ. Римскою логикой своею, онъ побивалъ соотечественниковъ своихъ, въ конечномъ результатѣ больше, чѣмъ хищные варвары—огнемъ и желѣзомъ.

Козаки и Татары расположились полукружіемъ, символическимъ строемъ послѣдователей Магомета; намереваясь на священный для нихъ полуденный слѣдующаго дня, затрепять наши Хмѣль. 30-ю гарматами своими, и необозримыя массы козако-татарскаго войска двинулись на приступъ, какъ бы съ намѣреніемъ растоптать осажденныхъ въ одинъ приемъ. Они подняли страшный крикъ, которымъ козаки и Татары всегда сопровождали свои приступы. Но это была фальшивая атака: Хмельницкому надобно было только взвить силу панскаго отпора. Однакожъ тѣхъ, которые не бывали въ бояхъ съ варварами и не знали, что большая часть хмельничанъ была вооружена дубьемъ, дикий крикъ необозримой толпы поразилъ ужасомъ. Участвовавшіе въ походѣ жєндзы вышли съ процессіей, давали всѣмъ желающимъ опрѣснотный сакраментъ и, по выраженію дневника, отрезвили боязливыхъ. Тѣмъ не менѣе густая пальба дѣлала свое дѣло.

„Въ этотъ день“ (говоритъ авторъ дневника) „у насъ въ лагерь было больше пуль, нежели во Львовскомъ повѣтѣ куринныхъ яицъ. Нѣкоторые изъ regimentарей, видя прострѣленными своими палатки и множество падающихъ людей, начали было теряться; но князь Вишневецкій поддержалъ войско своимъ примѣромъ, такъ что Хмельницкій, обѣщавшій хану ночевать въ нашемъ лагерь, долженъ былъ отступить со стыдомъ“.

Въ понедѣльникъ 12 (2) іюля подошли остальные козацкіе полки съ воевымъ таборомъ и расположились въ четверти мили отъ панскаго лагеря, занявъ цѣлую милю своимъ становищемъ.

Ночью насыпали козаки три шанца, вооруженные 40 пушками и открыли пальбу на разсвѣтъ. Но козацкіе пушкаріи больше гремѣли, нежели вредили своему неприятелю. Хмѣль не усилъ наперобавать пушкарей, которыхъ бы стоило, по примѣру Царя Наливай, приковывать къ пушкамъ.

Во вторникъ 13 (3) іюля начался общій приступъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ. Правое крыло, гдѣ стоялъ Вишневецкій, отразило нападающихъ скоро. Но лѣвое, напротивъ стоянокъ Фирлея, колебалось между гибелью и спасеніемъ. По словамъ дневника, regimentаріи совѣщались уже о бѣгствѣ въ замокъ (*consilia fugiendi in castrum do zamku*), и войско спаслось отъ паники только благодаря тому, что Вишневецкій, отразивъ у себя нападеніе, подерѣшилъ во время Фирлея. Съ величайшими усилиями удалось панамъ сбить хмельничанъ съ валовъ. Въ это время Маркъ Собѣскій высочилъ за валы съ отрядомъ конницы и ударилъ на бѣгущихъ сбоку. Множество коза-

ковъ потонуло въ озерѣ; но кому посчастливилось выбраться на сушу, тѣ снова дѣлали на валы въ слѣпой завязтости. Наконецъ Хмельницкій велѣлъ трубить отступление. Панскія хоругви преслѣдовали бѣгущихъ, взяли одинъ изъ козацкихъ шанцевъ и овладѣли нѣсколькими *прикладами*, какъ называли козаки свои знамена и бунтухи.

Между тѣмъ со стороны восточнаго овера грозилъ панамъ великая опасность. Были тамъ еще недоконченные окопы съ весьма слабымъ прикрытіемъ. Ударилъ на нихъ полковникъ Бурлій, обойдя незамѣтно во время приступа правое крыло. Венгерская пѣхота, обронувшая то мѣсто, началъ бѣжать, и Бурлій могъ бы оттуда вторгнуться въ становище Фирлея. Но опасность была замѣчена во время. Приемскій убитъ собственноручно венгерскаго знаменика, выхватилъ у него знамя и повелъ пѣхоту на Бурлія. Козаки, вторгнувшіеся въ лагерь, были истреблены, и Бурлій отступилъ. Онъ отступилъ въ порядѣ, но ему было теперь трудно обойти лѣвое крыло панскаго лагеря, чтобы соединиться съ козацкими полками. Хмельницкій послалъ ему на выручку Морозѣнку съ козацкою конницею, но едва они сошлись, какъ выступила изъ дороги дивизія Бенецпольскаго. Здѣсь Александръ Бенецпольскій смылъ съ себя пятно бѣгства изъ подъ Пиливецъ. Бѣшено билась козака съ паномъ, на котораго Батько (ихъ извѣщивалъ вину всего замѣшательства. Наконецъ Бурлій, знаменитый морскими походами своими, палъ вмѣстѣ со множествомъ товарищей своего покушенія; а Морозѣнка выручили Татары.

Дорогою стояли козакамъ ихъ завязтые приступы. Въ озерѣ потонуло ихъ столько, что посаженные не могли больше пользоваться рѣчной водою, и рыли себѣ колодцы. Козацкій трупъ лежалъ жѣстами высотой въ человѣчскій ростъ. Героемъ этого страшнаго для пановъ дня былъ Вишневецкій: безъ него вѣдь повторилась бы Корсунщина. Съ самаго появленія своего подъ Збаражемъ и до конца грозной осады, онъ подвизался съ тѣмъ умѣньемъ возбуждать въ своихъ соратникахъ чувство чести или ярости, которое дѣлало невозможное возможнымъ и сверхчеловѣческое — обыкновеннымъ. За нимъ шли въ огонь тѣ хоругви, которыя поворачивали уже къ бѣгству. При немъ не странно было умереть. Его слова, его движенія дѣйствовали на изнемогшихъ и отчаявшихся въ успѣхъ, какъ волшебство. Геройское безстрашіе и козацкая выносливость знаменитаго колонизатора отдаленнѣйшихъ малорусскихъ пустынь дѣлали смѣлыми воинами пыхетныхъ трусовъ и превращали въ спартацевъ извѣженныхъ палитъ. Теперь козаки перемѣнили свое

мнѣніе о Ляхахъ, которые „умирають отъ страха“ при видѣ ихъ побратимовъ, Татаръ; а Татары перемѣнили мнѣніе „козацкомъ счастьѣ“ и о *фортунности* Козацкаго Батька, — тѣмъ болѣе, что въ это время надъ Припятью, между знаменитою по Наливайку, Рѣчицею и Петриковичами, литовское войско разбило полеовника Кричевскаго, перебило и потопило въ Припяти 28.000 козаковъ, а остальныхъ 5.000 держало въ тѣсной осаждѣ.

Но въ опасныхъ бояхъ 13 іюля паны удостоверились, что въ такомъ обширномъ лагерѣ нельзя имъ оборониться. Опять принялись они за ремесло *мочилышниковъ* поголовно, помогая въ работѣ радомскими жолнерамъ, пахолками и сидѣвшимъ въ Збаражѣ мушкетерамъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня былъ у нихъ конченъ окопъ, надежный и прѣжняго. Они стѣснили свой лагерь почти на цѣлую треть прежняго. Первоначальнаго расположенія: ту часть недоконченныхъ валовъ на лѣвомъ крылѣ, на которую всего сильнѣе напирала козакъ, оставили, а новый окопъ насыпали поближе къ линіи восточнаго озера. Хмельницкій не отвѣдился на повтореніе вчерашняго приступа, боясь уронить себя окончательно во мнѣніи Татаръ, которые многочисленностью и страхомъ имени своего сдѣлали его Желтоводскимъ, Корсунаскимъ и Пилявецкимъ побѣдителемъ. Его должна была смущать вѣсть о томъ, что его пріятель Кричевскій палъ въ Бѣлороссіи отъ полупанской въ грудь раны, а предводимое имъ войско погибло. Блокада была болѣе вѣрнымъ и менѣе рискованнымъ дѣломъ. Хмельницкій началъ дѣлать къ ней приготовленія чрезвычайныя.

Прежде всего заперъ онъ панское становище и всѣ проходы, которыми осажденные могли бы отступить, или доставлять ночью кормъ для лошадей. Съ этою цѣлью занялъ онъ дорогу къ Жалощицамъ и Вишневецу, а также села Базаринцы, Залужье и Старый Збаражъ. Потомъ построилъ 16 громадныхъ машинъ, называвшихся *гулай-городинами*, иначе *штурмами*, на подобіе подвижныхъ замковъ, на колесахъ и колесахъ. Между нихъ двигались готовые мосты для перехода рва, длинныя лѣстницы и другіе снаряды для приступа. Напротивъ панскихъ окоповъ козакъ рыли поперечные рвы и прикрывали ихъ землею, такъ чтобъ оттуда можно было стрѣлять и дѣлать подкопы. Этимъ способомъ придвигались они все ближе и ближе къ панскому лагерю, прикрываясь шанцами и защищая пальбою съ нихъ дальнѣйшую свою работу; наконецъ такъ близко подступили къ панскому редуту, что могли слышать голоса осажденных.

Во время такихъ приготовленій не переставалъ Хмельницкій штурмовать осажденных ни днемъ, ни ночью. Но Татары вовсе не

рестали наступать и превратились въ зрителей борьбы небольшого войска съ подавляющею массою. И было на что смѣяться. По словамъ пилявецкихъ побѣдителей, въ збаражскихъ окопахъ сидѣли Тхоржевскіе да Заіончковскіе; на дѣлѣ же Татары видѣли тѣхъ Замойскихъ, Жовковскихъ, Ходковичей, Хмелецкихъ и Конецпольскихъ, которые были памятны ихъ отцамъ и имъ самимъ.

Ханъ Исламъ-Гирей началъ подумывать о выборѣ между воюющихъ сторонъ, и прислалъ съ этою цѣлью своего маршала, Сеферъ-Казы, къ Вишневецкому. Они съѣхались въ полѣ для переговоровъ. Вишневецкій утѣрялъ Татаръ, что козаки, опершись на ихъ помощь, отплатятъ за нее предательствомъ. Татары предлагали ему миръ, но князь отвергъ унижительныя условія мира (*marszałek hański perswadował racem, ale toby było nam infame*).

Между тѣмъ Хмельницкій велъ безуспѣшно подкопы подъ городъ, раскапывалъ гребли и пытался отнять у пановъ воду; а когда это не удалось, началъ раскапывать гребельки вверхъ, чтобы затопить панскій лагерь. Но козаки были такіе же плохіе гидравлики, какъ и пушкары. Свое безсиліе подкрѣпляли они крикомъ (*krzykiem siła nadrabiali*).

14 (4) іюля козацкіе полковники штурмовали стоянки Вишневецкаго. 16 (6)-го ночью былъ такой сильный приступъ, что Небаба и Гладкій потеряли, какъ записано въ дневникѣ, 3.000 народу. „Едва-едва не овладѣли козаки городомъ (o mały włos nie mieli miasta)“, писалъ авторъ дневника: „тогда бы отняли у насъ и городъ, и воду“. 17 (7-го) подошелъ къ городу отрядъ полковника Фёдоренка. Пользуясь утреннею мглою, перешелъ онъ валъ и уже началъ рубить частоколь, какъ поднялась въ стану и въ городѣ тревога. На звонъ колоколовъ и громъ пушекъ, двинулись отовсюду козаки къ Збаражу. Но мужественный полковникъ Корфъ, предводитель рейтаръ, отразилъ нападеніе.

Послѣ этого паны рѣшили — насыпать новыя валы поближе къ городу. Мѣщане и мужики работали день и ночь. Военные люди помогали имъ ночью, а днемъ отражали приступы. Въ теченіе двухъ дней внутри лагеря появились высокіе валы.

18 (8) іюля козаки, по словамъ дневника, сдѣлались ласковѣе (*laskawszemi się stawili*): не очень сильно наступали, только обсыпали князя Вишневецкаго бранью и угрозами (*tylko mu fałali a gzołili*).

19 (9) іюля козаки цѣлый день стрѣляли изъ панца, устроеннаго ими въ прежнихъ стоянкахъ Фирлея, а ночью двинулись на приступъ. Гулай-городины пришли въ движеніе; козаки лѣзли на валы слѣпо. На стоянки Вишневецкаго напирала такъ бѣшено, что нѣко-

торые региментаріи опять совѣщались о бѣгствѣ въ замокъ; но Вишневецкій не согласился на это ни подъ какимъ видомъ. Вдругъ пошелъ такой сильный дождь и сдѣлалась такая буря, что козаки были принуждены отступить. Вода залила шанцы, лилась ручьями въ прикрытые землею рвы, въ апроши, и скоро смѣшалась все въ одну страшную лужу. Козаки съ трудомъ увезли свои гарматы и аммуницію, а гуляй-городины остались посреди пустаго пространства, затопленнаго мѣстами на 5 шаговъ глубины.

Козаки могли оставить при своихъ машинахъ только небольшое прикрытіе. Для Вишневецкаго это прикрытіе было препятствіемъ ничтожнымъ. Онъ выбралъ 500 жолнеровъ, послалъ ихъ съ зажигательными снарядами подъ гуляй-городины и самъ стоялъ съ обнаженною саблею, а къ региментаріямъ послалъ наказъ, „чтобы не думали о бѣгствѣ въ городъ“. Захваченные врасплохъ сторожа *штурмовъ* были вырѣзаны, и машины Хмельницкаго запылали, не смотря на продолжавшійся дождь. Конные козаки „погналі“ пѣшихъ на оборону *штурмовъ*, но всѣ усилія погасить огонь были напрасны.

Цѣлость лагеря въ этотъ опасный день жолнеры приписывали, во первыхъ, вмѣшательству Рапа Вога въ дѣла ортодоксальныхъ его поклонниковъ, а во вторыхъ—мужеству князя Вишневецкаго, который дѣлался у нихъ героемъ легендарнымъ.

Утромъ стали паны переходить въ уменьшенное становище. Хмельницкій тотчасъ же занялъ оставленные окопы, и въ наступившій вечеръ 20 (10) іюля сдѣлалъ къ свѣжимъ валамъ приступъ, который продолжался до поздней ночи. Темнота презрѣла нападеніе. Свѣтомъ осажденные увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ, а пальба не позволяла имъ показываться на своемъ валу. Въ слѣдующее утро увидѣли они другой валъ, еще ближе къ лагерю. Татары густо стрѣляли изъ луковъ, а козаки засыпали панскій обозъ пулями, точно градомъ. Наконецъ Хмельницкій окружилъ пановъ и третьимъ валомъ, подѣлалъ кругомъ высокіе шанцы и сталъ подкапываться апрошами къ самому редуту своего непобѣдимаго непріятеля. Осажденные защищались кіями, камнемъ, пращами и чѣмъ ни попало: они щадили порохъ для того, чтобы пасть не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда же начался огненный бой, хоругви въ дыму едва различали своихъ, и жолнерамъ, въ жару завзятости, казалось, что пули отскакиваютъ отъ нихъ чудеснымъ способомъ (*nie to było wziąć po boku, po łbii, a nazad cudownym sposobem odlatywały kule bez szkody naszym*). Изъ пилявецкихъ трусовъ вдохновительный Байдичъ подѣлалъ козаковъ-характериковъ, которыхъ „не бра-

ла пуля“. Еслибы въ нашу малорусскую семью не вползли изъ-за сѣны пріятелей Ляховъ ксендзы, теперь бы два талантливые Русича вели наши силы противъ общаго непріятеля, а не одну противъ другой, и никто изъ нихъ не носилъ бы на своемъ челѣ печати братоубійцы.

Въ теченіе десяти дней ежедневно и почти ежечасно происходили козацкіе приступы. Но чѣмъ сильнѣе напирала козаки, тѣмъ ближе представлялась панскому войску выручка. „Козаки потому такъ бѣшено рвутся въ окопы“ (говорилъ жолнерамъ Вишневецкій), „что приближается король. Еще немного твердости,—и мы помстимся надъ свирѣпыми врагами“. Такъ вызывалъ онъ въ своихъ соратникахъ одно чувство за другимъ, точно бойцовъ, смѣняемыхъ для отдыха. И дороже славы, заманивъ богатой добычи, сладости свиданія съ родными, желаніе всего на свѣтѣ—представлялось измученному войску чувство возмездія. Богиня Немезида, дочь Ночи, затмевала здѣсь бога Марса, сына блистающаго молніями Зевса и свѣтозарной Геры. Она была божествомъ справедливости, какъ понимаетъ справедливость воинъ. Но истощеніе физическихъ и нравственныхъ силъ доходило у жолнеровъ до крайности, зловѣщей предшественницы апатіи, которая погубила войско великаго Жовковскаго въ самомъ горестномъ и самомъ славномъ его походѣ.

Чтобы сколько-нибудь оправиться и сдѣлать новыя укрѣпленія, паны постановили войти съ Хмельницкимъ и съ ханомъ въ переговоры.

Съ козацкой стороны также чувствовалась надобность въ передохѣ. По извѣстію осаднаго дневника, весьма вѣроятному, у козаковъ подъ Збаражемъ погибло тысячъ 50 народу. Хотя козаки безпощадно гоняли окозаченныхъ мужиковъ на приступы, но собственные утраты ихъ болѣли, какъ и собственные раны. Передохъ былъ имъ нуженъ и для того, чтобы потомъ принести тѣмъ болѣе щедрую жертву воинской богинѣ справедливости, которой они поклонялись одинаково съ панами.

Сперва Хмельницкій отпустилъ панскаго трубача безъ отвѣта; но на другой день, передъ обѣдомъ, гарматы его уложили, и съ козацкихъ шанцевъ раздался крикъ: „Угамуйте, не стреляйте, до й мы не будемъ“!

Хмельницкій пожелалъ видѣть Зацвилюховскаго, который нѣсколько времени былъ королевскимъ комиссаромъ у козаковъ, и котораго въ обычной челобитной царю о жалованьи называли они гетманомъ. Въ товарищи ему дали паны молодого Киселя, новгородсѣверскаго хорунжаго. Хмельницкій говорилъ много о своихъ личныхъ и козацкихъ обидахъ, которыя де вызвали все это кровопролитіе.

Переговоры кончились ничѣмъ; но достойны замѣчанія слова Козакаго Батька, обращенныя къ Зацвилюховскому: „Казавъ я тобі, пановный пане, що поки будешъ у насъ комисаровати, пѣти Військо Запорѣзьке посѣдити, якъ за батька; а тепѣрь що буде, Богъ тѣе знае“.

Потомъ онъ убѣждалъ Зацвилюховскаго остаться у него, обѣщая ему всякія почести (*wszelką obserwantiam*). Но Зацвилюховскій предпочелъ бѣдствовать съ панамъ.

Этой сценѣ предшествовала еще одна человѣчная черта козако-панской усобицы. Когда прекратилась обоюдная пальба, паны отправили въ козацкій таборъ трубача съ письмами, въ которыхъ убѣждали козаковъ къ примиренію во имя взаимныхъ выгодъ и чувства долга. Но взаимныя выгоды спутались уже въ нераспутываемый мотокъ взаимныхъ недоразумѣній и предубѣжденій, а понятія о долгѣ совсѣмъ затмѣлись. Московскому мечу предстояло положить конецъ козако-панской путаницѣ, а царской диктатурѣ—обратить и козака и пана на путь общественныхъ и государственныхъ обязанностей. Не смысла ничего такого и не проникая въ будущее разумѣніемъ прошедшаго, козаки остались глухи къ панскимъ убѣжденіямъ, но трубача панскаго приняли хорошо и наградили (*nasz trębacz dobrze przyjęty, udatowany*).

Въ числѣ людей, запутавшихъ свои счеты съ совѣстью и ставшихъ новыми злодѣйствами оправдать старья, явился здѣсь передъ нами сынъ Хмельницкаго и предокъ Мазепы по душѣ, Выговскій. Покамѣстъ, онъ оправдывалъ свое сообщество съ козаками тѣмъ, что Хмельницкій выкупилъ его на Желтыхъ Водахъ у Татаръ „за одну кобылу“, да тѣмъ, что у него въ Кіевщинѣ есть отецъ, братья, сестры etc. и еслибы онъ измѣнилъ Хмельницкому, то Хмельницкій велѣлъ бы истребить все родство его. Но авторъ осаднаго дневника, называвшій себя „украинцемъ“, замѣтилъ, что важную роль въ его предательствѣ играетъ его образованность, или умъ, какъ тогда смѣшивали одно съ другимъ, и что этимъ преимуществомъ онъ приобрѣлъ между козаками вначеніе (*jako zawsze był nie prostak, tak i teraz u nich swoją ma powagę*).

Панскіе переговоры съ ханомъ также не привели ни къ чему. Не хотѣлъ ханъ оставить козаковъ, какъ убѣждали его паны. Напротивъ, объявилъ, что держитъ въ рукахъ пановъ (*ma naz w garści*), что до сихъ поръ только шутилъ съ ними (*żartował*), а завтра (27 (17) іюля) вытащить всѣхъ ихъ за чубъ (*za łeb wszystkich wywlecze*).

Паны отвѣчали ему: „Кто придетъ за нашею головою, тотъ принесетъ и свою собственную“. Они повѣлялись лечь одинъ за другимъ...

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій эпизодъ козако-панскаго передеха. Когда прекратилась обоюдная пальба, начался (пишетъ авторъ дневника, „украинецъ“) *congressus inихихъ знакомыхъ со знакомыми козаками и пріятельскіе разговоры (rozмову пріязнеліе)*. Обоюдное сожалѣніе (*compassio*), что христіанская кровь льется невинно. Нѣкоторые спрашивали о домашнихъ дѣлахъ, вышедши за самый валъ. Мы угощали ихъ табакомъ...

Этотъ мимолетный рассказъ дѣлаетъ впечатлѣніе свѣжаго вѣтерка въ душлившемъ воздухѣ. Взаимная злоба была не такъ велика и не такъ всеобъемлюща, какъ это можно заключить по вѣтрскому острвененію гайдамакъ, очутившихся на произволѣ своихъ дикихъ страстей. Кровавый пожаръ, раздуваемый, по признанію Киселя, восточнымъ и западнымъ вѣтромъ, утихалъ въ силу изнеможенія природы человѣческой, и наши православные предки вмѣстѣ съ предками полонизованныхъ Русичей залили бы его слезами своихъ женъ и дѣтей; но боги, сражавшіеся руками смертныхъ, въ ревнивомъ обладаніи своимъ, землею, не внимали голосу человечества, и даже подъ громомъ раздѣлившейся на са государственной арматы, продолжали свое губительное дѣло.

Въ панскомъ стану былъ смертельно раненъ капитанъ артиллеріи, то-есть одинъ изъ тѣхъ бойцовъ, которыхъ искусству осажденныя всего больше были обязаны своею цѣлостію; но онъ, въ качествѣ протестанта, признавалъ только небеснаго Бога, отрицая на мѣстника его на землѣ. Министръ-капеланъ Фирлей, также протестанта, хотѣлъ напутствовать умирающаго воина въ неведомую никому область, по ревнители единого пастыря душъ человѣческихъ прогнали съ побоями изъ замка проповѣдника безразличной любви къ намъ небеснаго Отца (*od naszych księży wybity i wygnany z zamku*), пишетъ „украинецъ“. Въ другое время вѣрный слуга князя Вишневецкаго палъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ подобало честному воину, но онъ былъ аrianинъ, и потому, опровергнутый ксендзами, зарытъ въ самомъ валу, какъ песъ.

Во время переговоровъ почти не было приступовъ. Стрѣляли только съ шанцевъ и валовъ какъ бы въ знакъ непримиримости, а въ промежуткахъ пушечнаго грохота перебранивались и обмѣнивались насмѣшками.

Козаки гудали: „Чомъ, панове, не загадуєте своимъ підданымъ жадної роботи? Осьрикъ минає, літо сходить, а ще чинні та десяти-

на въ бѣдла не выбрана. Волье жалбно мѹкають: хочуть на ярма-локъ до Вроцлава“.

— „Даемъ вамъ пѣлгу въ работѣ“ (отвѣчали жолнеры), „та незабаромъ, на ознаку тяжкої неволѣ, сыпатимете Вишневецкому грѣблю черезъ Дніпрѣ. Чиншъ не зальже: выбере его войско литовське. Десятинны новыбѣрають Татарѣ, и замѣсь бѣдла, жѣнокъ та дѣтей вѣшихъ поженуть воль до Крыму“.

— „Та годѣ вамъ, панѣве пручатись“ (кричали съ вала козаки): „тѣлько кунтуші покаляли та сорочки подрали, по шпанцахъ лѣзачи. Оцѣ вамъ паробило очковѣ та пѣнцина, та пересуды, та сухомѣльщина. Гарна въ васъ тоді була музыка, а тепѣрь ще кращѣ заграли вамъ у дудку козаки“.

Но танцовали подъ козацкую дудку только тѣ, которые возвели на польскій престолъ разстригу іезуита, да тѣ, которые выѣсть съ нимъ отняли у князя Вишневецкаго диктатуру. Пока длились переговоры да перебранки, паны еще однажды съузили свои укрѣпленія, и придвинулись непосредственно къ замку. Открытую часть города, которую рѣчка Гѣзна отдѣляла отъ замка, укрѣпили валомъ и присоединили къ замку рвами и окопомъ. Насыпали также валы отъ Пригородка, который составлялъ лѣвое крыло, такъ что замокъ, стоя на челѣ лагерь, заслонялъ весь городъ: ибо Подзамче и Пригородокъ принадлежали къ городу.

Между тѣмъ жолнеры захватили въ плѣнъ хорунжаго татарской гвардіи Хмельницкаго. Отъ него паны выпытали, что козаки боятся скорого прихода короля, о чемъ у нихъ разнесся слухъ, и потому употребляютъ крайнія мѣры, чтобы „кончить Ляховъ“; а съ другой стороны (говорилъ хорунжій) пришли вѣсти, что литовскія войска идутъ въ Украину; что козаки въ большой тревогѣ за своихъ женъ и дѣтей, а Хмельницкій убѣдилъ хана вызвать на переговоры главныхъ пановъ, съ тѣмъ, чтобы оставить у себя въ неволѣ. По словамъ хорунжаго, самъ Хмельъ проговорился объ этомъ съ панами.

Около того же времени 12 товарищей изъ подъ разныхъ хоругвей князя Вишневецкаго, подкрывшись къ непріятельскимъ валамъ, увидѣли троихъ козаковъ, играющихъ въ карты, двоихъ убили, а третьяго, Грицька изъ Чигирива, принадлежавшаго къ полку самого Хмельницкаго, привели къ Вишневецкому. По увѣренію Грицька Чигиринца, Хмельницкій хлопоталъ вовсе не о томъ, чтобы взять панскій лагерь: онъ только хотѣлъ вынудить у пановъ окупу. Говорить еще Чигиринецъ, что козаки боятся наступленія короля, что они боятся за своихъ женъ и дѣтей, которыхъ некому оборонить отъ Лит-

вы, такъ какъ сюда вышли всѣ поголовно, и что мужики начали по ночамъ бѣгать изъ табора. „Эта реляція“ (сказано въ дневникѣ „украинца“) „поддержала отчаявшійся духъ нашъ (и nas zdesperowane duszy posiliła), и мы, какъ бы воскреснувъ, рѣшились наступать сильнѣе на непріятеля фортелями“.

30 (20) іюля, на разсвѣтъ, начали паны переходить въ новый лагерь, оставивъ на старомъ валу по 15 человекъ изъ каждой хоругви. Не успѣли они занять и половины новаго укрѣпленія, какъ хмельничане пошли на приступъ. Пѣвніе панскіе козѣки обратились на штурмующихъ, и такъ какъ у нихъ не было времени заражать ружья, то дрались прикладами и холоднымъ оружіемъ, пока, съ великими потерями, отступили въ новые окопы къ самому замку.

Хмельницкій занялъ тотчасъ оставленное становище, поставилъ на валахъ пушки, и подъ защитой пальбы, въ три часа окружилъ панскій редутъ валомъ, наконецъ припанцевался въ нему на 30 шаговъ. Чѣще и чѣще дѣлалъ онъ покушенія ворваться въ панскій лагерь; но всякій разъ его Перебійносы сталкивались въ лагерь съ княземъ Яремою, съ этимъ шляхетскимъ характерникомъ, съ этимъ панскимъ козакомъ-невмиракою, котораго не брала никакая пуля, который ночевалъ подъ самимъ валомъ, появлялся впереди своихъ бойцовъ при всякой тревогѣ и прогонялъ козаковъ-пищальниковъ ружейнымъ боемъ.

Вообще козацкіе приступы не отличались боевой силой и смѣлостью, а самого Хмеля никогда не видали въ бою. И у цря Нахивая, въ десяти тысячномъ его таборѣ, Жовковскій насчитывалъ только 2.000 добрыхъ воиновъ. Пропорціонально столько же было ихъ и между козаками Хмельницкаго. Часто впереди наступающихъ козаковъ гнали рогатый скотъ, чтобы обезсилить панскую пальбу; а во время самаго приступа козаки прикрывались мужиками, у которыхъ на груди висѣли торбы съ пескомъ. Торбоносцы были народъ, понавший между молота и наковальни. Если бы они вздумали бѣжать, ихъ ожидали козацкіе списы и татарскія лѣшки. Они лѣзли впереди, замурывъ глаза, какъ обреченные на казнь, и часто, среди крика, который поднимали козаки и Татары, умоляли пановъ пощадить ихъ отъ пальбы. „Чернь молила о милосердіи (plebs o miłosierdzie implorabat), поднимаясь въ полное рабство“, доносилъ въ Варшаву Казановскому съ похода королевскій сподвижникъ, и это было извѣстіе справедливое. О томъ, что козаки загоняли на вербованныхъ мужиковъ на приступъ, говорится въ дневникахъ, какъ о дѣлѣ повседневномъ. Для того, чтобы вынудить у пановъ окупу, не щадили несчастныхъ новобранцевъ:

Это было еще хуже со стороны Хмельницкаго, чѣмъ изъ-за своихъ обидъ броситься съ огнемъ и пожесть на всю шляхту. Козаки-комонники, составлявшие только малую часть хмельничанъ, выручались и подъ Збаражемъ кровью пѣшихъ затыжцевъ, прозелитовъ козачины, какъ это было подъ Кумейками, гдѣ они натравили завзятыхъ на Потоцкаго, и убралась прочь за добра ума. Разница была только въ томъ, что они подстрекали мужиковъ къ бою не словами, а копьями.

Напрасно ханъ вызывалъ Вишневецкаго съ первенствующими панами на переговоры: осажденные видѣли въ этомъ злой умыселъ Хмельницкаго, который присовѣтовалъ хану захватить князя Ярему въ плѣнъ во время переговоровъ. Тогда Хмельницкій пытался подорвать осажденных подкупомъ. Мысль эту подали ему перехваченныя письма Вишневецкаго къ королю. Чтобы сломить все еще бодрый духъ полководца, который въ его глазахъ стоялъ больше всего польскаго войска, Хмельницкій возвратилъ Вишневецкому письма съ посланцемъ, которому поручилъ всучить свой универсалъ Нѣмцамъ, которымъ обѣщалъ за измѣну: большій жолдъ и подарки. Но Нѣмцы представили его универсалъ Вишневецкому.

Здѣсь выступаютъ передъ нами два рыцаря въ собственной характеристикѣ. Краткую записку, безъ подписи, съ перехваченными письмами, Хмельницкій адресовалъ князю, называя его своимъ пріятелемъ, хотя и не искреннимъ (*przyjacielowi naszemu choć nieżyczliwemu oddać*); увѣдомлялъ князя, что посланцу его отсѣкли голову; увѣрялъ, что король скорѣе дождется къ себѣ козаковъ, чѣмъ осажденные—помощи его, и заключалъ удивленіемъ, что Вишневецкій не удовольствовался своимъ заднѣпровскимъ государствомъ, въ которомъ козаки хотѣли оставить его неприкосновеннымъ.

На грубіанскую и лживую записку Вишневецкій отвѣчалъ приличнымъ письмомъ, въ которомъ называя своего непріятеля мостивымъ паномъ гетманомъ, удивлялся, откуда у него такое недоброжелательство, что и посланца его приказалъ убить, и къ нему самому не обратился съ письмомъ, приличнымъ. Вспоминая о прошломъ (писалъ онъ), „Хмельницкій имѣлъ бы много причинъ благодарить его за милости и благодѣянія. Князь увѣщевалъ его опомниться, какъ доброжелатель Запорожскаго Войска отъ предковъ. Далѣе выражалъ увѣренность въ могущество короля, и писалъ, что не всѣ донесенія осажденныхъ перехвачены“. „И это не хорошо“ (внушалъ онъ спокойно Хмельницкому), „что вы прислали универсалъ для возмущенія иноземнаго войска. Между ними большая часть такихъ, которые никогда не измѣняли“ (замѣчалъ онъ тономъ нравственнаго превосходства, и возвращалъ уни-

версалъ „какъ ненужный“). „Что вы въ моемъ заднѣпровскомъ владѣніи“ (писалъ онъ далѣе) „не допускали опустошенія, это вы сдѣлали по надлежащему: ибо оттуда Запорожское Войско получало много благодѣяній, какъ отъ предковъ моихъ, такъ и отъ меня“. Въ заключеніе, Вишневецкій писалъ: „Не гнѣваюсь, что мои подданные пристали къ вашему войску: вѣроятно, были они къ тому приневолены (*musieli podobno*); но прошу не держать ихъ при себѣ, а отправить домой, за что я, въ свое время, буду благодаренъ“, и подписался доброжелательнымъ пріятелемъ (*życzliwy przyjaciel* Her. Xże na Wiśniowcu i Lubniach, wojewoda ruski).

Теперь наступили для осажденных такіе дни, что всѣ ихъ предшествовавшіе опасности, труды и бѣдствія показались имъ только началомъ борьбы за свою жизнь и за воинскую честь. Въ распоряженіяхъ козацкаго гетмана была замѣтна лихорадочная поспѣшность, а въ козацкихъ таборахъ—необычайная суетливость. Начиная съ 1 августа, приступъ, можно сказать, не прерывался въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Шанцы Хмельницкаго стояли всего въ 30 шагахъ отъ панскаго вала. День и ночь козаки безпрестанно стрѣляли изъ своихъ, правда, не очень мѣткихъ гарматъ и весьма мѣткихъ „семипядныхъ“ пищалей, а на разсвѣтъ, въ полдень и въ полночь штурмовали валы. Всякій разъ на приступъ ходили новые, подпоенные горькою полки, при звукахъ трубъ, съ пѣснями и восклицаніями. Татары гнали передъ собою чернь и крикомъ *Аллахъ* и придавали козакамъ смѣлости. Тогда-то были кровавою дѣйствительностью дошедшія до насъ коззарскія думы, въ которыхъ пьяный и опьяняющій Хмѣль хвалился своею завзятостью:

Та ще й Орду за собою веду,
А все, вражі Ляхи, та ва вашу біду.

Отъ многочисленныхъ сытыхъ и пьяныхъ полчищъ панскіе окопы защищала, можно сказать, горсть невывѣданныхъ, голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Малорусская исторіографія въ осадномъ сидѣніи подъ Збаражемъ не хочетъ признать за панами превосходство мужества. Она безчестно называетъ героев загнанными въ окопы трусами, для которыхъ бѣгство было невозможнымъ. Она съ рабскою насмѣшливостью представляетъ воинственность осажденныхъ однимъ бравурствомъ. „Пускай-де скажутъ о насъ: Ай да Поляки!“ *) И одна-

*) Бостонаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 106.

кожь, этихъ трусовъ, этихъ тщетлавныхъ самохваловъ не могло ни взять живьемъ, ни перебить и перестрѣлять стотысячное козацкое войско, вспомошествоемое всѣми татарскими ордами. Одного этого факта достаточно, чтобы всяческая враждебность къ войнамъ-колонизаторамъ исчезла въ благородномъ (у кого оно есть) чувствѣ удивленія въ ихъ доблестямъ въ борьбѣ съ тѣми, которые, какъ у насъ пишутъ, возстали за свою вѣру, за свою честь, за свое имуществъ, за свою жизнь, и которыхъ Татары подгоняли къ приступамъ нагайками. Еслибы въ какомъ-нибудь новомъ ордынскомъ нашествіи погибли всѣ документы польскорусской дѣятельности и уцѣлѣли только свидетельства о збаражской осадѣ, то въ отдаленномъ будущемъ по этимъ свидетельствамъ безпристрастный историкъ заявилъ бы вѣкамъ грядущимъ, что былъ на свѣтѣ народъ, выработавшій на чемъ-то величавую твердость духа и благородное самопожертвованіе.

На густую козацкую пальбу отвѣчали уныло замковые пушки. Но за то у панскихъ пушкарей не пропадалъ ни одинъ выстрѣлъ, тогда какъ гарматы козацкіе часто ревѣли попусту. Въ числѣ панскихъ стрѣлковъ прославился въ это время одинъ изъ новорожденныхъ въ малорусскомъ Переяславѣ іезуитовъ, ксендзъ Муховецкій, котораго авторъ осаднаго дневника называетъ „нашимъ украинцемъ изъ Переяславскаго коллегіума“. Въ Збаражскомъ Пригородкѣ стояла дубовая башня. Съ этой башни стрѣлялъ онъ изъ своей рупницы-цумдынки и, по общему свидѣтельству, въ теченіе осады убилъ 250 козаковъ. Но и прославленная гульдынка должна была скоро умолкнуть: у пановъ оставалось аммуниціи уже только на шесть дней. Въ темныя ночи бросали они съ валовъ пылающія мазницы и возовыя оси, чтобы освѣтить крадущихся козаковъ. Старые жолнеры говорили, что ни въ какой войнѣ не дѣлали того, что повѣдумали теперь Фирлей да Вишневецкій.

Въ среду 4 августа стали говорить въ панскомъ лагерѣ, что Хмѣль двинулся куда-то съ частью своего войска. Предполагая, что онъ пошелъ для отраженія короля, князь Вишневецкій въ четвергъ, 5 августа, сдѣлалъ смѣлую вылазку, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Но вылазка доставила панамъ только 16 козацкихъ приметей. Захваченные вмѣстѣ съ тѣмъ языки говорили, что Хмѣль опечаленъ потерю полковника Оедоренка, котораго застрѣлилъ недавно ксендзъ Муховецкій, когда онъ подводилъ мину подъ губительную башню, и что за это хочетъ онъ ударить ночью пановъ всѣми своими силами. Паны приготовились къ ночной битвѣ; однакожь, ночь прошла безъ тревоги.

Въ пятницу, 6 августа (27 іюля), въ день любимаго козацкаго святаго, Палѣя, на разсвѣтѣ, Хмельницкій сдѣлалъ общій приступъ со всѣхъ сторонъ. Напирали въ особенности на стояннѣ Остророга. Появились новыя гуляй-городины, изъ которыхъ каждую везли на каткахъ 15 человекъ. Появилось 400 лѣстницъ, переплетенныхъ лозой для подъемныхъ мостовъ черезъ рвы; каждую тащили на колесахъ 20 козаковъ. Начался рукопашный бой, какъ потому, что у пановъ мало было пороку, такъ и потому, что сабля была шляхетскимъ оружіемъ по преимуществу. „Трусы Поляки“ выдержали этотъ бой въ теченіе трехъ часовъ, подъ прикрытіемъ пушекъ, заряжаемыхъ уже, можно сказать, послѣдними зарядами. Панская конница вышла за валы, и врѣзывалась въ подвигающіяся массы. Это была та конница, которую хорошо помнили: Кумейки, Сула, Старець-Дѣбръ: одушевлялъ ее бурный духъ Князя Яремы. Во рвахъ и на мѣстѣ схватки лежали груды труповъ на высоту копья. Не безъ того, что дневники знаменитаго осаднаго сидѣнья и преувеличивали подвиги шляхетныхъ бойцовъ; но Хмѣль истощилъ здѣсь послѣднія средства къ возбужденію своей орды, и долженъ былъ отступить, чтобы его мнимая сила не перешла въ явное безсиліе. Маскируя свою неудачу, онъ штурмовалъ панскій редутъ въ полдень и въ полночь опять, но уже съ меньшимъ жаромъ.

Это были послѣднія усилія Хмельницкаго подавить многолюдствомъ тѣхъ воиновъ, о которыхъ козаки пѣли среди новыхъ малорусскихъ пустынь, что *Ляхъ відъ страху вмірде*, давая камертонъ самохвальства будущимъ грамотѣямъ своимъ. Теперь онъ рѣшился доковать пановъ безпрестанной стрѣльбой да голодомъ, который уже чувствовался въ ихъ стану.

Въ теченіе сутокъ насыпали козаки 15 шанцевъ, высотой въ два копья. На шанцахъ поставили изъ своихъ гуляй-городинъ башни, а на башняхъ укрѣпили лѣстницы, въ видѣ заборовъ такъ высоко, что изъ-за нихъ было удобно стрѣлять въ панскій лагерь. Шанцы были снабжены пушками и обсажены лучшими стрѣлками. Въ одномъ изъ дневниковъ этой осады, по истинѣ славной для пановъ и позорной для козаковъ, записано:

„Подъ каждою хоругвию ежедневно убивали не меньше 10 человекъ. Братъ не смѣлъ спасать брата. Гдѣ кто былъ раненъ, тамъ и лежалъ подъ градомъ пуль до самой ночи; а гдѣ кто легъ убитый, тамъ его ночью и хоронили“.

Паны были принуждены оставить въ окопахъ возы и перейти въ замокъ, чтобы тамъ быть наготовѣ всякій разъ выбѣгать на оборону валовъ и табора.

Посреди такой борьбы, замѣтили они 8 августа, съ великимъ удивленіемъ, что козацкій таборъ снимается съ мѣста и передвигается къ Старому Збаражу, гдѣ стояла каменная церковь, построенная еще православными князьями Збаражскими. Ночью передвинулся туда весь таборъ, а палатки хана и козацкаго гетмана, стоявшія въ четверти мили отъ панскаго лагеря, разбились подъ старымъ замкомъ, на противъ ставокъ Вишневецкаго.

Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней шелъ проливной дождь. Военныя дѣйствія пріостановились. 13 (3) августа въ стану осаждающихъ сдѣлалось необычайное движеніе. Толпы черни валили отъ окоповъ къ табору, какъ бы для насыпки шанцевъ. Остатокъ табора передвинулся къ старому замку.

Въ панскомъ стану разнеслась радостная вѣсть, что подкрѣпленія стоятъ уже въ Жалощинцахъ, въ трехъ миляхъ отъ Збаража, и что непріятель намѣренъ ошанцеваться у себя въ тылу. На другой день распушенъ былъ слухъ, что Хмельницкій двинулся со всѣми силами оборонять отъ короля переправу въ одной только милѣ отъ Збаража. Затрубили въ трубы; ударили въ бубны. Встревоженные козаки начали густо стрѣлять изъ пушекъ.

Въ козацкомъ таборѣ происходило что-то загадочное. Видать было гетманскіе палатки и бунчуки: знакъ, что Хмельницкій находился въ таборѣ. Между тѣмъ пушки молчали, точно ихъ вовсе не было. Козацкіе полки куда-то дѣвались. Изъ шанцевъ стрѣляли только изрѣдка. Едва мѣстами было видать понемногу орды и мужиковъ, которые подкапывались подъ панскіе валы и сражались цѣпами да пращами.

День проходилъ за днемъ. Процессъ загона мужиковъ на битву продолжался даже и тогда, когда пушечное ядро падало въ толпу загонщиковъ. „Мосно zaganiati czeru ku taŋorowi“ (писалъ въ дневникъ „украинецъ“). Неизвѣстность томила пановъ больше, чѣмъ приступы черни, больше, чѣмъ ея подкобы подъ возы и голодь, который появился въ лагерѣ. Ночи проводили жолнеры, равно, какъ и осаждающіе, то въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ осаждающими, то въ перебранкѣ. Козаки страдали жолнеровъ, что ихъ товарищи облегли короля, а жолнеры козаковъ—тѣмъ, что король бьетъ въ это время ихъ товарищей. „Ночью“ (пишетъ „украинецъ“) „умолкала битва (silent agna), зато собачій ротъ (psia gęba) говорилъ, что взбредетъ на языкъ, грозя продавать Ордѣ жолнеровъ „по шагови“ (по грошу). Но ни въ одномъ дневникѣ не записано, чтобы psia gęba касалась лашскаго и жидовскаго ругательства надъ церковью и вѣрою.

Козаки сами не знали, что дѣлается съ тѣми, которые куда-то двинулись. Наконецъ стали къ нимъ возвращаться походные возы съ ранеными. Тогда всѣ увидѣли, что идетъ сильная битва; узнали, что бьются подъ Зборовымъ, но кто кого побиваетъ, оставалось тайною; и тѣ полки, которые не вѣрили въ счастье Хмельницкаго, отказывались идти къ нему на помощь. (chyba ci zostają, co nie wierzą, żeby króla obleżono).

Наибольшую силу своего разбойнаго генія проявилъ Хмельницкій въ томъ, что сумѣлъ прервать всякое сообщеніе между осажденными подъ Збаражемъ и королемъ, котораго они метерѣливо ждали къ себѣ на помощь. Еще 12 (2) іюля Лянцкоронскій писалъ къ полковнику Минору, едва владѣя перомъ (такъ у него болѣли руки отъ земляной работы): „Если не прибудешь съ королемъ скоро, то не спѣешь на похороны милой братіи и собственныхъ сыновей твоихъ“. Между тѣмъ ни къ Минору и ни къ кому изъ окружавшихъ короля не пришло никакой вѣсти о томъ, что дѣлается въ польскихъ Термопилахъ. Хмельницкій до такой степени сталъ подъ Збаражемъ и козацкую, и татарскую орду, что не выпустилъ за сторожевую цѣпь ни одного загона. О его силахъ Янъ Казимиръ узналъ только тогда, когда съ ними неожиданно столкнулся.

Поляки до сихъ поръ не могутъ объяснить поведеніе своего короля и канцлера. Оба они сошли въ могилу заподозрѣнные въ предательствѣ, какъ люди, умышлявшіе на Шляхетскій Народъ вмѣстѣ съ козаками. Но въ чемъ именно состояло предательство, никто не объяснилъ.

Будучи еще королевичемъ, Янъ Казимиръ не стѣснялся говорить, что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка. Въ этомъ козаки ему сочувствовали. За одно это могли они подарить ему корону. Въ одномъ этомъ позволительно видѣть причину злобства, съ какимъ, повидимому, узнавалъ король о западнѣ, въ которой очутился ненавистный ему Вишневецкій.

Что касается Оссолинскаго, то онъ служилъ съ одинаковымъ чувствомъ и самому благому, и самому злому дѣлу, если оно соотвѣтствовало тѣмъ цѣлямъ, которыя, по его іезуитскому воззрѣнію, были великими. На Владиславѣ IV онъ испыталъ, какъ выгодно быть „простою глиною“ въ рукахъ неужлаго короля. Быть канцлеромъ при такомъ безпутномъ potentatѣ, какъ Янъ Казимиръ, значило—зачинаться его нравственною ответственностью за всѣ свои внушенія. Такъ поступилъ онъ, стоя съ королемъ подъ Замостьемъ, гдѣ умышлялъ начисто руки въ томъ, чтобы когда-либо не соглашался на посполи-